

СТАТЬИ

© 1991 г.

В. А. Шнирельман

«ДИФфуЗИЯ ИДЕИ», КРИЗИСЫ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДИНАМИКА В ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВАХ (к постановке вопроса)

Причины перехода традиционных обществ от одной хозяйственной системы к другой остаются малоразработанными и вызывают бурные споры. К сожалению, чаще всего эти споры ограничиваются обсуждением высказывающихся теми или иными авторами отвлеченных предположений, не подкрепленных детальным анализом имеющихся конкретных данных. Поэтому такого рода споры до сих пор так и не привели к выработке сколько-нибудь продуктивных решений.

Представляется, что изучение поставленной проблемы следует начинать с анализа известных этнографических реалий, позволяющих ученому иметь дело с хорошо изученными ситуациями, т. е., иными словами, предоставляющими ему возможность детально проанализировать взаимодействие различных факторов в разных конкретно-исторических ситуациях. В свою очередь выделенные в результате подобных исследований модели могли бы оказать существенную помощь как для постановки задач археологических изысканий, так и для интерпретации их результатов. Настоящая работа и является предварительной попыткой выделить модели такого рода и попутно, где возможно, проверить некоторые гипотезы, получившие определенное распространение среди археологов.

По одной из гипотез, производящее хозяйство могло возникнуть у местных охотников, рыболовов и собирателей в результате «диффузии идеи», т. е. под влиянием информации, поступившей извне от каких-либо более развитых обществ¹. Такое заимствование идеи растениеводства было прослежено в некоторых центральных районах Австралии. Там известны соответствующие ситуации, возникшие среди аборигенов, поселившихся недалеко от скотоводческо-земледельческих поселков белых австралийцев. Аборигены в течение долгих лет наблюдали, как белые занимались земледелием, но до поры до времени не проявляли к этому никакого интереса. Однако когда в силу сложившихся обстоятельств некоторые мужчины-аборигены ненадолго оказались в районах своего рождения, отстоявших на сотни километров от их нынешнего места обитания, они захватили с собой побеги и зерна росших там деревьев, которые намеревались посадить рядом со своими жилищами, чтобы они напоминали о родных местах, обычаях, ритуалах, вызывали мифологические ассоциации, а также о родичах, связи с которыми в новых условиях обитания было очень трудно поддерживать².

Эти и другие массовые этнографические данные свидетельствуют о том, что идея растениеводства или содержания животных в принципе могла заимствоваться, но само по себе такое заимствование либо не имело прямого отношения к становлению производящего хозяйства, либо было недостаточным стимулом для успешного развития и завершения этого процесса. Отметим, что многие охотники, рыболовы и собиратели, обитавшие в течение последних

столетий и даже тысячелетий рядом с земледельцами и скотоводами, так или иначе помогали им в хозяйстве, получая соответствующие навыки, но без веских причин не стремились сами переходить к производящему хозяйству³.

Больше оснований имеет другое предположение, согласно которому переход от одной хозяйственной системы к другой вызывался кризисом прежней системы. Оно до некоторой степени восходит к известной концепции А. Тойнби о том, что «вызов» со стороны внешней среды всегда требовал и в той или иной форме получал «ответ» со стороны культуры. В нашей науке предлагалось несколько разных гипотез, претендующих на объяснение причин перехода к производящему хозяйству и связывающих их либо с природными изменениями на рубеже плейстоцена — голоцена⁴, либо с ростом народонаселения и его давлением на производительные силы⁵. Более вариативный подход сформулировал В. М. Массон, который полагает, что отмеченный переход в одних районах вызывался ростом народонаселения, а в других — кризисом охотничьего хозяйства⁶. Этот кризис он склонен связывать не с природными изменениями, а с достижением предела возможного развития охотничьей техники⁷.

В настоящее время в науке преобладает представление о вариативности кризисных явлений, вызывавшихся разными причинами: естественно-экологическими изменениями, изменениями природной среды вследствие хищнической деятельности человека, ростом народонаселения и переселениями людей в новые условия обитания, эволюцией социально-потестарных систем и пр.⁸ Очевидно, в зависимости от типа кризиса и конкретно-исторической обстановки его протекания процесс хозяйственных изменений мог выглядеть весьма по-разному и приводить к разным результатам.

Под кризисом здесь понимается такое состояние хозяйства, когда последнее уже не способно полностью удовлетворить жизненно-необходимые потребности общества в полноценном питании, что ведет к понижению уровня жизни и создает угрозу голодовок. С этой точки зрения в связи с разнообразием причин, вызывавших кризисные ситуации, кризисы можно подразделить на несколько типов в зависимости от характера воздействующих факторов:

I. Экологические кризисы вызываются более или менее резкой сменой окружающих природных условий. Среди таких кризисов надо различать несколько подтипов: *1а)* кризисы, порожденные естественными природными изменениями. Среди них следует выделять крупные общеклиматические сдвиги, оказывающие влияние на природную среду в целом, что в частности приводит к сдвигу ландшафтных зон⁹, а также циклические колебания численности отдельных биологических видов, имеющих большое значение для людей, особенно в условиях специализированного хозяйства¹⁰; *1б)* кризисы, возникающие вследствие воздействия антропогенного фактора, т. е. хищнических охоты и рыболовства, интенсивной вырубке лесов, неумеренного использования почв или пастбищ и пр. Сюда же нужно относить кризисы, вызываемые резким сокращением размеров хозяйственных угодий как следствие той или иной деятельности людей; *1в)* кризисы, вызванные переселением людей в новые непривычные для них природные условия, в которых традиционная система хозяйства оказывается малоэффективной.

II. Демографические кризисы могут возникать из-за изменений размеров, плотности и структуры народонаселения. Ведение хозяйства прежними методами может встретить существенные трудности как в условиях резкого роста народонаселения, так и при депопуляции, что в свою очередь обусловлено соотношением рождаемости и смертности, брачными обычаями, эпидемиологическим фактором, миграциями, военным фактором и т. д.

III. Технологический кризис может сопутствовать кризисам типов *I* и *II*, если прежняя технология не способствует развитию эффективного хозяйства в новых условиях обитания.

IV. Экономический кризис возникает при резком нарушении традиционной

структуры обмена, если получение обществом основных средств существования (прежде всего пищи) в значительной мере связано с обменом.

V. Эпизоотический фактор тоже может привести к кризису, особенно в условиях скотоводческого хозяйства.

VI. Социально-потестарный фактор по-своему влияет на развитие хозяйства, вначале через развитие престижной экономики, а затем через сбор дани, налогов, установление определенной квоты отчуждения добытого продукта, идущего на социальные нужды. Кроме того, борьба за власть и влияние может вести к возвышению одних групп за счет других и переселению недовольных в новый район обитания. Все это может порождать кризисы типов *1б* и *1в*.

VII. Военный фактор также существенно влияет на функционирование или модификацию традиционной хозяйственной системы. В ряде случаев он порождает кризисы типа *1в*, *II*, *III*, *VI*, в других — стимулирует важные изменения в системе расселения, в частности, ведет к возникновению крупных компактных поселков, что неблагоприятно сказывается на тех хозяйственных направлениях, которые требуют относительно высокой сезонной или годовой подвижности (охота, собирательство, подсечно-огневое земледелие, скотоводство).

Ясно, что на ранних этапах первобытности встречались главным образом кризисы типа *1а*, *1в*, *II*, *III* и, возможно, изредка *1б*. На поздних же этапах наряду с ними стали возникать и кризисы типа *IV—VII*, причем роль кризисов типа *IV*, *VI* и *VII* со временем возрастала. Кризисы могли быть скоротечными или затяжными. К первым относились некоторые из кризисов типа *1а*, а также кризисы типа *III—VII*, а ко вторым — главным образом *I* и *II*. Соответственно хозяйственные изменения могли иметь временный характер, а могли быть постоянными, необратимыми.

Разумеется, предлагаемая классификация несколько упрощает и схематизирует картину, наблюдавшуюся в живой реальности. Ведь нередко различные факторы действовали одновременно в том или ином соотношении, так или иначе влияя друг на друга. При этом в каждой конкретной ситуации отдельные факторы могли выстраиваться в иерархическом порядке. Все это подлежит дальнейшей разработке путем конкретно-исторических исследований, и в будущем предложенная классификация будет, безусловно, корректироваться.

Рассмотрим некоторые примеры указанных кризисов. Кризисы типа *1а* и их хозяйственные последствия были недавно глубоко проанализированы И. И. Крупником, который убедительно показал, что в периоды потепления у прибрежного населения Арктики большое значение приобретал морской китобойный промысел, а в периоды похолодания более эффективной становилась охота на тюленей или диких северных оленей¹¹. При этом у тех охотников, которые держали единичных транспортных оленей, в эпоху похолодания в XVIII—XIX вв., благоприятную для роста оленьих стад, сложилось крупностадное оленеводство¹². Возможно, аналогичная флуктуация между оседлым и кочевым образом жизни, известная по археологическим и историческим источникам в степях, полупустынях и пустынях¹³, также, по меньшей мере отчасти, вызывалась долговременными колебаниями климата.

Другой пример кризиса аналогичного типа был зафиксирован в середине XIX в. в районе Торресового пролива. Там до 1849 г. основными занятиями населения о. Муралуг были рыболовство, добыча черепах и сбор клубней дикого ямса. Кроме того, некоторые мужчины выращивали культурный ямс в виде «престижного» «экзотического» растения, не имевшего существенного хозяйственного значения. Но в 1848—1849 гг. здесь наблюдались крайне низкий улов черепах и неурожай дикого ямса. В этих условиях возникла общая тенденция к выращиванию местного дикого ямса и наметился переход к земледельческому хозяйству¹⁴.

Нетрудно заметить, что в обоих рассмотренных случаях разведение живот-

ных и выращивание растений практиковались еще до возникновения кризиса, но не играли большой хозяйственной роли. Переход же к земледелию и скотоводству наметился тогда, когда изменившаяся природная обстановка ухудшила возможности для ведения прежних видов присваивающего хозяйства, но одновременно создала благоприятные условия для развития производящего хозяйства. Существенно и то, что в условиях постепенных климатических изменений люди обладали временем на столь же постепенную перестройку прежней хозяйственной системы.

Иные последствия имели кризисы, связанные с циклическими колебаниями численности видов, игравших главную роль в специализированных хозяйственных системах. Плохие уловы лососевых, случавшиеся на Камчатке раз в несколько лет, обрекали местных рыбаков на голодовки и вели к резкому повышению смертности. Зато в благоприятные годы размеры народонаселения, благодаря высокой рождаемости, вновь восстанавливались. Какой-либо смены хозяйственной ориентации при этом не происходило¹⁵.

Кризисы типа *1б* можно проиллюстрировать на ряде примеров из недавнего прошлого некоторых африканских стран, где, борясь против хищнического уничтожения местной дикой фауны, администрация объявляла определенные территории национальными заповедниками или устанавливала запреты на охоту. Именно в этих условиях, потеряв изрядную часть своих исконных земель, охотники — ик, жившие на границах Уганды, Кении и Судана, вынуждены были перейти к земледелию, восприняв его у соседей. Интересно, что из-за периодических засух местная природная обстановка была менее благоприятной для земледелия, чем для скотоводства. И в неурожайные годы ик вновь возвращались преимущественно к охоте и собирательству. Почему же они не переходили к скотоводству? По мнению соседей-скотоводов, это происходило из-за варварского отношения их к домашним животным, получив которых, они тут же их убивали. Действительно, и сами ик считали, что «одна корова в желудке лучше, чем десять в загоне». Но действительной причиной была постоянная угроза со стороны воинственных соседей-скотоводов, не упускавших возможности силой увести скот у ик¹⁶. По той же причине и некоторые другие охотники Восточной Африки воздерживались от перехода к скотоводству¹⁷.

Действие всех этих факторов ярко проявилось в полной драматизма истории с кушитоязычными охотниками и собирателями аасака, обитавшими в Северной Танзании. В конце XIX в., когда многие скотоводы — масаи потеряли большую долю скота от эпизоотии, значительная их часть поселилась вместе с аасака, перейдя к их образу жизни. В начале XX в. из-за неумеренных охот поголовье диких животных здесь резко уменьшилось, и немецкая администрация ввела запрет на охоту, а масаи и аасака были помещены в резервацию. Тогда-то аасака и начали разводить крупный рогатый скот, чему способствовал строгий административный контроль, охранявший их от грабительских набегов со стороны масаев, вернувшихся к скотоводству, но когда в 1916—1918 гг. местные территории перешли под надзор британской администрации и контроль за местными племенами ослабел, вновь начались межплеменные войны и аасака потеряли весь свой скот. Так как из-за вышеупомянутого запрета вернуться к охоте они не могли, их главари решили распустить людей племени, и те расселились среди соседних народов. Это стало концом аасака как особой этнической общности, и ее язык окончательно исчез¹⁸.

Миграции в новые экологические зоны, порождающие кризисы типа *1в*, обычно вынуждают людей так или иначе видоизменять традиционную хозяйственную систему, приспосабливая ее к новой обстановке. Такие миграции изначально земледельческо-скотоводческих групп хорошо описаны в Восточной Африке, где в зависимости от характера новой природной обстановки у одних групп возрастала роль земледелия, у других — скотоводства, а у тех, кто селился в особо аридных условиях, важное место в хозяйстве приобретала охота. При этом группы, различавшиеся по хозяйству, могли сохранять этническое единство,

а могли и утрачивать его¹⁹. Атапаскам-кучинам, сменившим привычное природное окружение в ходе миграции по Аляске, пришлось видоизменить свое традиционное хозяйство, заимствовав многое из культуры местных эскимосов²⁰.

Напротив, если люди не могли или не стремились изменить прежнюю хозяйственную систему, то они оказывались не в состоянии эффективно использовать открывшиеся перед ними возможности заселения новых земель, расположенных в иной экологической зоне²¹.

В ряде случаев, попав в новые условия обитания, земледельцы переходили к преимущественному занятию охотой и собирательством. Иногда это происходило по той причине, что присваивающее хозяйство в этих условиях было гораздо более продуктивным, чем примитивное земледелие — так случилось с папуасами-корики, которые, придя на побережье из внутренних районов, занялись здесь преимущественно рубкой саго²²; в других случаях переход к охоте и собирательству диктовался природной обстановкой, не позволявшей заниматься земледелием — примером этого служат полинезийцы о. Чатем²³.

В связи с такими быстрыми переселениями из одной экологической зоны в другую перед людьми вставала очень важная проблема поддержания здоровья, к сожалению, не получившая до сих пор должного анализа. Судя по имеющимся данным, такие миграции нередко приводили к ухудшению пищевого рациона и могли делать переселенцев бессильными перед новыми болезнями, против которых у них еще не выработались механизмы генетической защиты²⁴. Случаи резкого ухудшения здоровья людей при переселениях зафиксированы, в частности, на примере некоторых групп охотников и собирателей²⁵. Все это могло породить кризисы типа II.

Один из основных факторов, вызывавших подобные кризисы достаточно часто, — рост народонаселения и его плотности. Именно это способствовало в Новой Гвинее переходу от охоты на диких свиней к свиноводству. В низменностях Новой Гвинее, где плотность населения была невелика, а диких зверей было много, папуасы, хотя и приручали диких поросят, предпочитали добывать мясо охотой, причем охотились с большим выбором. Зато в густозаселенных горных районах, где значительные площади использовались под огороды и диких животных осталось немного, наблюдался кризис охоты, и там люди охотились на любых животных, которых только можно было добыть²⁶. Именно там горные папуасы со временем и начали уделять особое внимание развитию свиноводства²⁷. Не исключено, что этот же фактор сыграл не последнюю роль в распространении крупностадного оленеводства в арктических тундрах. В условиях роста народонаселения и развития скотоводства кризис охоты усугублялся фактором беспокойства, который заставлял диких животных уходить подальше от мест, часто посещаемых людьми и скотом²⁸.

Недавно были получены интересные данные о роли социально-демографического кризиса в переходе к скотоводству одной из групп охотников и собирателей Восточной Африки — мукогоро. В течение первых десятилетий XX в. соседние мааязычные скотоводы взяли себе в жены многих девушек — мукогоро, что поставило местных мужчин перед реальной угрозой пожизненного безбрачия. Мужчины вынуждены были искать невест среди скотоводческого населения, а это требовало уплаты высокого брачного выкупа скотом. Последнее и стало стимулом, заставившим мужчин — мукогоро заняться разведением домашних животных²⁹.

В ряде случаев народонаселение района, где обитали охотники и собиратели, возрастало не за счет их внутренней демографической динамики, а в ходе расселения здесь пришлых земледельцев или скотоводов. При этом размеры хозяйственных угодий и численность диких животных, необходимых для нормального существования охотников и собирателей, сокращались, что также порождало хозяйственный кризис. Этот процесс и его следствия детально изучены на северо-востоке о. Лусон (Филиппины), где филиппинские крестьяне постепенно расширяли свои земельные участки за счет территории охотников и

собирателей азта. При этом там, где эти процессы шли со средней интенсивностью и азта сохраняли дружеские взаимоотношения с крестьянами, у них совершался переход к земледелию, а там, где натиск крестьянского хозяйства ощущался особенно сильно, азта испытывали враждебность по отношению к пришельцам, жаловались на нехватку земель и в поисках выхода из кризиса делали упор на развитие рыболовства³⁰.

Аналогичный процесс отмечался в Танзании, где бантуязычные земледельцы постепенно расселялись по землям охотников и собирателей хадза (тиндига). И в этом случае к земледелию переходили именно те хадза, которые находились в тесных социальных и брачных контактах с земледельцами — изанзу. Оценивая перспективы этого процесса, происходившего у него на глазах, английский этнограф Дж. Вудберн отмечал, что в случае постепенного протекания этого процесса все хадза со временем могут перейти к земледелию. Но если они очень быстро потеряют свои земли, то начнут нападать на посеы соседей³¹. Последнее отмечалось у пигмеев-бабинга в центральных районах Африки, где они поначалу разоряли огороды пришлых земледельцев³², и у многих групп охотников и собирателей (бушменов Южной Африки, различных групп индейцев Южной и Северной Америки и пр.), которые в условиях давления со стороны народов, знавших скотоводство, стали охотиться на домашний скот или угонять стада у соседей³³.

Традиционное охотничье-собирательное хозяйство бушменов стало испытывать кризис особенно в последние десятилетия в связи с резким расширением площадей пастбищ, и это обусловило тенденции к переходу многих групп бушменов к скотоводству и земледелию. Особенности указанного процесса были недавно детально изучены³⁴, что позволяет использовать эти данные для построения одной из вероятных моделей становления производящего хозяйства в полуаридных условиях, где охотники и собиратели контактировали с земледельцами и скотоводами. Главной чертой производящей сферы хозяйства у современных бушменов является его неустойчивость, зависимость от колебаний ежегодных осадков, что в особенности отражается на земледельческой деятельности. Так, в годы обильных осадков (1967—1970 и 1975—1977 гг.) у бушменов — кунг возрастала роль земледелия и скотоводства, а в засушливые годы (1972—1973 гг.) они занимались главным образом охотой и собирательством. Уместно отметить, что и у бантуязычных земледельцев и скотоводов, обитавших в полуаридной зоне, роль присваивающих форм хозяйственной деятельности была значительно выше, чем у других банту.

Так как в условиях пустыни Калахари земледелие менее надежно и требует большего труда, чем охота и собирательство, то бушмены переходят к нему лишь в крайних обстоятельствах, когда общий рост плотности народонаселения и сокращение ресурсов дикой природы вынуждают их к этому. Однако и при этом у разных групп бушменов земледелие и скотоводство дают не более 5—20% всего объема пищи. Посадки культурных растений производятся на небольших огородах, расположенных рядом с жилищами; орудиями для обработки земли служат кол или мотыга, а расчистка участков ведется ножами, топорами или просто руками. Из домашних животных бушмены держат, главным образом, коз, которые благодаря своей неприхотливости хорошо вписываются в охотничье-собирательский образ жизни. Гораздо реже у бушменов встречаются овцы и крупный рогатый скот. Грузы перевозят на ослах, а на охоте активно используют собак и лошадей. Главным источником мяса для большинства бушменов служит охотничья добыча. Мясо коз используют главным образом при ритуалах. Основным пищевым продуктом козоводства служит молоко.

Следовательно, как и в случае с природными изменениями, в условиях демографических сдвигов охотники и собиратели могут перейти к производящему хозяйству лишь при наличии двух сопутствующих обстоятельств: если этому благоприятствует природная обстановка (природный фактор) и если процесс развивается достаточно постепенно, чтобы люди имели время на пересмотр

прежних хозяйственных ориентаций и традиционной системы ценностей (социальный фактор). В противном случае кризис может привести к хозяйственной дезинтеграции, росту агрессивности и вооруженных нападений и даже к вымиранию групп, бывших в экстремальные условия.

Технологический кризис в зависимости от соотношения и характера взаимодействия природного и культурного факторов может иметь своим результатом либо хозяйственный регресс, либо, напротив, привести к интенсификации хозяйства. Так, в уже упоминавшемся выше примере с полинезийцами о. Чатем непригодность примитивного земледелия к новым суровым условиям обитания заставила переселенцев вернуться к охотничье-собираческому образу жизни. Напротив, как справедливо подметила Э. Бусерюп, в условиях роста плотности народонаселения и сокращения периодов залежи у земледельцев появляется потребность в развитии интенсивной земледельческой технологии, в частности, в переходе к пашенному земледелию³⁵. Когда окружающие земли были истощены традиционными методами подсечно-огневого земледелия, а высокая плотность народонаселения препятствовала поиску каких-либо новых земель, карены Северного Таиланда заимствовали у соседей заливное рисоводство вместе со всей сопутствующей технологией и изменили прежние образ жизни, систему ценностей и социальную организацию³⁶.

В условиях тесных контактов, наблюдавшихся между охотниками и собирателями, с одной стороны, и земледельцами и скотоводами — с другой, во многих районах мира³⁷ охотники и собиратели в ряде случаев изменяли свои прежние пищевые традиции и отказывались от традиционной техники, получая более эффективные орудия труда у соседей. В частности, некоторые из них превращались в так называемых «коммерческих охотников»³⁸, которые добывали диких животных и другие продукты леса прежде всего для того, чтобы обменять их на земледельческую продукцию у соседних земледельцев. В этих условиях культурные растения нередко становились их главной пищей и они уже не мыслили без них своего дальнейшего существования. Именно такую роль маниок играл для охотников-собираателей маку в Северо-Западной Амазонии³⁹ и для пигмеев-бабинга в Центральной Африке⁴⁰. Так как в обстановке таких тесных контактов охотники и собиратели, как правило, помогали соседям в земледельческих работах и получали соответствующие навыки, то при нарушении в силу каких-либо причин этой системы контактов (кризис типа IV) потребность в земледельческой продукции могла стать стимулом для постепенного перехода к земледелию.

Кризисы типа V характерны прежде всего для скотоводческих народов. По материалам Восточной Африки второй половины XIX в. известно много случаев, когда массовый падеж скота заставлял скотоводов расселяться среди соседних народов, переходя соответственно к рыболовству⁴¹, охоте или земледелию⁴². Те из них, кому впоследствии удавалось восстановить стадо, возвращались к скотоводческому образу жизни, тогда как для неудачников охота, рыболовство или земледелие становились постоянными занятиями.

На ранних этапах классобразования действие социально-потестарного фактора выражалось в том, что развитие престижной экономики принимало порой гипертрофированный характер и шло вразрез с потребностями жизнеобеспечивающего хозяйства. Так, во многих районах Новой Гвинеи, где свиньи считались богатством и использовались преимущественно для устройства социально-престижных пиров, развитие свиноводства имело циклический характер, т. е. огромные массы свиней умерщвлялись раз в несколько лет для устройства обильных праздничных угощений, причем дело доходило до обжорства, а в другие годы в основе питания была, главным образом, растительная диета, и в целом у папуасов наблюдались явные признаки белкового голодания⁴³. Еще более драматичный оборот это явление приобретало порой в скотоводческих и оленеводческих обществах, где отдельные хозяева, выполняя свои социальные обязательства, вынуждены были время от времени производить такие убои,

которые подрывали способность стада к воспроизводству. И это заставляло их отказываться от скотоводческого образа жизни и переходить к иным хозяйственным занятиям. Именно такая ситуация сложилась у уже упоминавшихся выше аасаков, которые потратили весь свой скот на устройство пира для союзников — масаев⁴⁴.

В условиях государственности новым фактором, способным влиять на хозяйственное развитие, стало налогообложение. По мнению некоторых скандинавских ученых, именно изменения в налоговой политике заставили саамов перейти к крупностадному оленеводству в XVII в. Ведь с 1602 г. шведские власти стали требовать с них налог не шкурами и мехами, как прежде, а живыми оленями и сушеной рыбой. Но так как в условиях относительно высокой плотности населения традиционная доолeneводческая экономика саамов не могла выдержать этого налога, то им пришлось перейти к массовому выращиванию домашних оленей⁴⁵.

Действие военного фактора бывало весьма многообразным. Лучше всего известны примеры, когда потерявшие в ходе войны скот скотоводы вынуждены были переходить к каким-либо иным видам хозяйственной деятельности: земледелию, рыболовству или охоте и собирательству⁴⁶. Иногда смена хозяйственной ориентации могла диктоваться изгнанием группы из ее традиционного района обитания. Так, потерявшие поражение от масаев скотоводы-барагуи вынуждены были переселиться в более южные районы, где пастбищные угодия были хуже, чем в прежних местах обитания. В результате на новом месте они должны были либо сами в некоторой степени заниматься земледелием, либо просить местных земледельцев обрабатывать для них участки⁴⁷. Еще одним следствием войн стала тенденция к появлению крупных компактных поселков, которая отмечалась в некоторых районах как для земледельцев⁴⁸, так и для скотоводов⁴⁹. В обоих случаях это шло вразрез с потребностями традиционной хозяйственной практики, снижало эффективность привычных хозяйственных методов и требовало их совершенствования или замены.

Разумеется, рассмотренные примеры иллюстрируют далеко не весь спектр возможных коллизий, возникавших в связи с теми или иными кризисами. Однако их вполне достаточно, чтобы судить о многообразии кризисных ситуаций и путей выхода из них. Согласно изложенным данным, переход от присваивающего хозяйства к производящему в условиях кризиса мог происходить только в том случае, если либо охотники, рыболовы и собиратели были уже знакомы с элементами производящего хозяйства еще до кризиса, либо кризис развивался не слишком резко и они успевали переориентироваться как в хозяйственном плане, так и в социальном и психологическом. При отсутствии указанных условий общество могло деградировать и распасться, либо резко возрастала агрессивность и учащались вооруженные столкновения.

Логично предположить, что в условиях кризиса охоты более вероятен был переход к рыболовству или земледелию, не затронутых кризисом, нежели независимый переход к скотоводству, так как при главенствующей роли охоты сохранение жизни пойманым животным в условиях дефицита мяса кажется маловероятным. Последнее было бы до некоторой степени вероятно в том случае, если бы основные источники существования людей были связаны не с охотой, а с усложненным собирательством, рыболовством или земледелием. Видимо, поэтому практика приручения диких животных фиксируется, главным образом, именно у таких народов⁵⁰. Еще более сомнительным становится тезис о приручении животных охотниками в условиях охотничьего кризиса, если учесть многочисленные факты, свидетельствующие о том, что первичная domestикация имела дело с индивидуальными особями, к которым их воспитатели выказывали особо эмоциональное отношение. Как правило, воспитатели и хозяева таких животных сами не убивали их и уж во всяком случае не ели их мясо, считая их в той или иной степени «родственниками» или отождествляя их по статусу со своими детьми. Поэтому для их убоя нередко привлекали

людей со стороны, а мясом этих животных одаривали друзей и родственников⁵¹. Возможно, в силу указанных представлений некоторые современные охотники и собиратели, которые начали выращивать домашних животных, сами не едят их, а продают их соседним земледельцам⁵². Ясно, что при таких обычаях невозможно было держать сколько-нибудь крупные стада, и подобное приручение животных не могло решить проблему охотничьего кризиса. Вот почему, как удалось убедительно показать И. И. Крупнику⁵³, переход от преимущественно охотничьего хозяйства к крупностадному оленеводству на севере был связан не с кризисом охоты, а, напротив, с установлением благоприятной для северных оленей экологической обстановки. Переход от охоты к скотоводству в условиях кризиса по этой причине был, очевидно, достаточно редким явлением и мог происходить только в обстановке очень тесных непременно дружеских контактов охотников с соседними скотоводами, у которых они и могли заимствовать домашних животных. В целом же переход к скотоводству как у охотников, так и у земледельцев диктовался, как правило, совершенно иными соображениями, связанными с традиционной системой ценностей, и происходил без какой-либо связи с хозяйственным кризисом. Так как скот повсюду составлял главное богатство скотоводов, определял престиж владельца и играл важную роль в социально-престижных ритуалах⁵⁴, и это отношение к скоту сплошь и рядом воспринимали соседние нескотоводческие народы, то у последних нередко возникали стимулы к переходу к скотоводческому образу жизни по чисто престижным соображениям. Таков был один из путей формирования «вторичного» кочевничества по предложенной ранее модели В⁵⁵. Так, если земледельцу-фур в Западном Судане удавалось завести несколько голов крупного рогатого скота, то он стремился перейти к кочевому образу жизни, поселившись с номадами — баггара, хотя это и вело к снижению его жизненного уровня. Но он шел на эти лишения ради сохранения единственно возможного в этих местах вида богатства⁵⁶. Аналогичные примеры можно обнаружить и в ряде районов Восточной Африки, где при наличии скота земледельцы и охотники стремились интегрироваться в общество соседних скотоводов⁵⁷.

Следовательно, в некоторых случаях, связанных прежде всего со скотоводством, переход от одной хозяйственной системы к другой мог происходить в традиционных условиях в отсутствие какого-либо кризиса. В бескризисной обстановке могла совершаться и интенсификация традиционного для данной группы хозяйства. Так, охотники и собиратели с готовностью заимствовали у соседних народов те элементы культуры, которые могли бы сделать их хозяйство более эффективным. Это касалось прежде всего средств транспорта и, особенно, охотничьих и транспортных животных (собак, ослов, лошадей, оленей, верблюдов). Например, пенаны Саравака стремились получить у соседей лодки и собак, а бушмены Южной Африки заимствовали прежде всего собак, ослов и лошадей. При этом те из пенанов, кто охотился с собаками, и те бушмены, которые обладали собаками и лошадьми, вели охоту гораздо успешнее, чем те, кто действовал по старинке⁵⁸. Очевидно, именно в таких условиях и сформировались своеобразные группы охотников, например, немади, охотившиеся верхом на верблюдах в Мали⁵⁹, охотники и ремесленники солубба, кочующие со своими ослами по Аравийской пустыне⁶⁰ и, разумеется, многие группы конных охотников на Великих равнинах в Северной Америке⁶¹.

В бескризисной обстановке охотники и собиратели могли заимствовать у соседей и определенные виды земледельческой техники, однако в этом случае они перенимали навыки разведения именно тех растений, уход за которыми не требовал большого труда и не противоречил охотничье-собирательскому образу жизни. Вот почему ээта Лусона заимствовали у соседей таро и ямс, а пенаны Саравака — маниок и банан, но не рис, так как рисоводство было весьма трудоемким делом и потребовало бы от них коренных изменений в образе жизни⁶².

Рассмотренные данные свидетельствуют о многообразии ситуаций хозяйственных изменений в традиционных обществах. Одни из них были вызваны теми

или иными кризисами, другие происходили в бескризисной обстановке. Обращает на себя внимание тот факт, что преодолеть трудности, связанные с кризисами, легче было тем обществам, хозяйство которых отличалось многоукладностью, тогда как жестко специализированное хозяйство было менее способно к своевременной перестройке. Кроме того, проще было преодолеть те кризисы, которые развивались постепенно, чем те, которые происходили в достаточно резкой форме. Модификация или совершенствование хозяйственной системы были лишь одним из возможных путей выхода из кризиса, к другим относились миграции, войны, развитие социально-потестарных систем, которые в свою очередь могли порождать новые кризисы. Попытки вынести решение кризиса вовне, что встречалось не так уж редко, вели к интенсификации межэтнических контактов и создавали цепную реакцию, в ходе которой события, происходившие в одних районах мира, могли находить на первый взгляд совершенно неожиданный отклик в других районах, иной раз весьма отдаленных. Бескризисная обстановка в большей мере способствовала эволюции уже имевшихся хозяйственных направлений, чем их замене. Вместе с тем и здесь порой возникали такие инновации, которые, хотя и имели своей первоначальной целью интенсификацию традиционного хозяйства, могли в дальнейшем при известных условиях, особенно в обстановке кризиса, стать основой развития новых хозяйственных направлений. Сознательная смена хозяйственной ориентации в отсутствие кризиса могла вызываться престижными соображениями, как это ярко проявлялось на примере перехода к скотоводству.

Многообразие причинно-следственных связей, выявленных на примере хозяйственных трансформаций в традиционных обществах, создает настоятельную потребность в проведении целенаправленных исследований по изучению конкретной обстановки эволюции таких обществ и в выработке более тонких аналитических методов, опирающихся, в частности, на комплексный междисциплинарный подход.

Примечания

¹ Телегин Д. Я. Про становлення скотарства і землеробства на південному заході європейської частини СРСР // Археологія (Київ). 1977. № 21. С. 21, 22; Матюшин Г. Н. О характере экономики неолита и энеолита Южного Урала (предварительные результаты) // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1981. С. 18; Шилов В. П. Проблемы происхождения кочевого скотоводства в Восточной Европе // Древности Калмыкии. Элиста, 1985. С. 29. и др.

² Kimber R. G. Beginnings of Farming? Some Man-Plant-Animal Relationships in Central Australia // *Mankind*. 1976. V. 10. № 3.

³ Шнирельман В. А. Этнокультурные контакты и переход к производящему хозяйству // Сов. этнография. 1982. № 2; *его же*. Инновации и культурная преемственность // Народы Азии и Африки. 1982. № 5.

⁴ Герасимов И. П., Величко А. А. Проблема роли природного фактора в развитии человеческого общества // Первообытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974. С. 14—15; Долуханов П. М. География каменного века. М., 1979. С. 112—113; Станко В. Н. Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья. Киев, 1982. С. 84—88; Зализняк Л. Л. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев, 1989. С. 103.

⁵ Новиков Ю. Ф. О возникновении земледелия и его первоначальных формах // Сов. археология. 1959. № 4. С. 35; Хлопин И. Н. Сегментация в истории первобытного общества // Вопросы истории. 1968. № 8. С. 102—103; Гладилин В. Н. Роль народонаселения в процессе взаимодействия природы и общества в каменном веке // Первообытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974. С. 77.

⁶ Массон В. М. Проблема неолитической революции в свете новых данных археологии // *Вопр. истории*. 1970. № 6; *его же*. Поселение Джейтун. Проблема становления производящей экономики. Л., 1971. С. 135; см. также Мерперт Н. Я. Древнейшее земледелие на Ближнем Востоке // *Природа*. 1981. № 11; *его же*. «Неолитическая революция» на Ближнем Востоке (некоторые моменты разработки проблемы в зарубежной науке) // *Краткие сообщ. Ин-та археологии АН СССР (КСИА)*. 1984. № 180.

⁷ Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976. С. 32—33. См. также Будыко М. И. Глобальная экология. М., 1977. С. 239 сл.

⁸ Шнирельман В. А. Современные концепции происхождения производящего хозяйства //

Сов. археология. 1978. № 3. С. 261; *его же*. Позднепервобытная община земледельцев-скотоводов и высших охотников, рыболовов и собирателей // История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. С. 271; *его же*. Проблема перехода к производящему хозяйству в зарубежной историографии. М., 1987. С. 33—45; Кабо В. Р. У истоков производящей экономики // Ранние земледельцы. Л., 1980. С. 63.

⁹ Берг Л. С. Недавние климатические колебания и их влияние на миграции рыб // Проблемы физической географии. М.; Л., 1935. Т. 2.

¹⁰ Смирнов А. Г. Состояние запасов амурских лососей и причины их численных колебаний // Изв. Тихоокеанского НИИ рыбного хозяйства и океанографии (Владивосток). 1947. Т. 25. С. 38.

¹¹ Крупник И. И. Арктическая этноэкология. М., 1989. С. 172.

¹² Там же. С. 154—155.

¹³ Жданко Т. А. Проблема полуседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана // Сов. этнография. 1961. № 2; *ее же*. Номадизм в Средней Азии и Казахстане // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.

¹⁴ Moore D. R. Islanders and Aborigines at Cape York. Canberra, 1979. P. 279.

¹⁵ Shnirelman V. A. Cherchez le Chien: on the Specific Features of the Traditional Economic Structure of the Far Eastern Peoples // A Paper Presented at the VIth International Conference on Hunting and Gathering Societies. Fairbanks (Alaska), 1990.

¹⁶ Turnbull C. M. The Mountain People. N. Y., 1972. P. 150—151.

¹⁷ Bernsten J. L. The Maasai and Their Neighbors: Variables of Interaction // African Economic History. 1976. V. 2. P. 4.

¹⁸ Winter J. C. Language Shift Among the Aasax, a Hunter-Gatherer Tribe in Tanzania (a Historical and Sociolinguistic Case Study) // Sprache und Geschichte in Afrika. Hamburg, 1979. Bd. 1.

¹⁹ Spear Th. Kenya's Past. An Introduction to Historical Method in Africa. L., 1981. P. 101, 104—107; Andretta E. H. Symbolic Continuity, Material Discontinuity, and Ethnic Identity among Murle Communities in the Southern Sudan // Ethnology. 1989. V. 28. № 1.

²⁰ Nelson R. Hunters of the Northern Forest. Chicago, 1973. P. 313—316.

²¹ Morren G. E. B. Warfare on the Highland Fringe of New Guinea: the Case of the Mountain Ok // Warfare, Culture and Environment. Orlando, 1984. P. 196, 197.

²² Maher R. F. Varieties of Change in Koriki Culture // Southwestern Journal of Anthropology. 1961. V. 17. № 1.

²³ Sutton D. G. Towards the Recognition of Convergent Cultural Adaptation in the Subantarctic Zone // Current Anthropology. 1982. V. 23. № 1.

²⁴ Alland A. War and Disease: Anthropological Perspective // War: the Anthropology of Armed Conflict and Aggression. Garden City, 1968. P. 66; Buzarbarua P. M. Effects of Migration and Environment on Anthropometric Characters of Munda Population of Assam — a Preliminary Observation // Man in India. 1989. V. 69. № 3. P. 292—303.

²⁵ Turnbull C. M. The Lesson of the Pygmies // Scientific American. 1963. V. 208. № 1. P. 37; Headland T. N. Why Foragers do not Become Farmers: the Competitive Exclusion Principle and the Persistence of the Professional Primitive // A Paper Presented at the 12th. International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Zagreb, 1988. P. 8.

²⁶ Bulmer R. Selectivity in Hunting and in Disposal of Animal Bone by the Kalam of the New Guinea Highlands // Problems in Economic and Social Archaeology. L., 1976.

²⁷ Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства. М., 1980. С. 147. сл.; Simoons F. J., Baldwin J. A. Breast-Feeding of Animals by Women: its Socio-Cultural Context and Geographic Occurrence // Anthropos. 1982. Bd. 77. № 3—4. P. 428—429.

²⁸ Юргенсон П. Б. Биологические основы охотничьего хозяйства в лесах. М., 1973. С. 23, 24.

²⁹ Cronk L. From Hunters to Herders: Subsistence Change as a Reproductive Strategy Among the Mukogodo // Current Anthropology. 1989. V. 30. № 2.

³⁰ Peterson J. T. The Ecology of Social Boundaries. Agta Foragers of the Philippines. Urbana, 1978.

³¹ Woodburn J. C. The Future of the Tindiga // Tanganyika Notes and Records. 1962. № 59.

³² Demesse L. Changements techno-economiques et sociaux chez les Pugmées Babinga (Nord Congo et Sud Centrafrique). P., 1978.

³³ Stow G. W. The Native Races of South Africa. N. Y., 1905. P. 155 ff., 236, 248, 455; The Oxford History of South Africa. Oxford, 1969. V. 1. P. 70, 71; Borrero L. A. Hidden in the Fuegian Forest: Selknam Patterns of Land Use in the End of the 19th Century // Sixth International Conference on Hunting and Gathering Societies. Fairbanks, 1990. V. 2. P. 891.

³⁴ Brooks A. S. et al. Food Production and Culture Change among the Kung San: Implications for Prehistoric Research // From Hunters to Farmers. Berkeley, 1984; Cashdan E. A. The Effects of Food Production on Mobility in Central Kalahari // Ibidem; Hitchcock R. K., Ebert J. I. Foraging and Food Production among Kalahari Hunter-Gatherers // Ibidem; Lee R. B. Introduction // Kalahari Hunter-Gatherers. L., 1976.

³⁵ Boserup E. The Conditions of Agricultural Growth. L., 1965.

³⁶ Iijima S. Sociocultural Change among the Shifting Cultivators through the Introduction of Wet Rice Culture. A Case Study of the Karens of Northern Thailand. Kyoto, 1970.

³⁷ Шнирельман В. А. Этнокультурные контакты...; *его же*. Инновации ...

³⁸ Fox R. G. «Professional Primitives»: Hunters and Gatherers of Nuclear South Asia // Man in India. 1969. V. 49. № 2.

- ³⁹ Milton K. Protein and Carbohydrate Resources of the Maku Indians of Northwestern Amazonia // *American Anthropologist*. 1984. V. 86. № 1.
- ⁴⁰ Demesse L. Changements ...
- ⁴¹ Spencer P. Nomads in Alliance. Symbiosis and Growth among the Rendille and Samburu of Kenya. L., 1973. P. 214.
- ⁴² Berntsen J. L. The Maasai ... P. 3, 5, 6.
- ⁴³ Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства. С. 151, 152.
- ⁴⁴ Winter J. C. Language Shift... P. 188, 189.
- ⁴⁵ Wheelersburg R. P. Royal Swedish Taxation of the Saami in the Late Middle Ages as Native Harvest Data: a Model of a Reindeer Hunting Society // Sixth International Conference on Hunting and Gatheting Societies. Fairbanks, 1990. V. 2. P. 1084—1085.
- ⁴⁶ О масаях см. Spencer P. The Samburu. A Study of Gerontocracy in a Nomadic Tribe. L., 1965. P. 282; Galaty J. G. Being «Maasai», Being «People-of-Cattle»: Ethnic Shifters in East Africa // *American Ethnologist*. 1981. V. 9. № 1. P. 9.
- ⁴⁷ Berntsen J. L. The Maasai... P. 6.
- ⁴⁸ Шнирельман В. А. Позднепервобытная община ... С. 331; Ferguson R. B. Game Wars? Ecology and Conflict in Amazonia // *Journal of Anthropological Research*. 1989. V. 45. № 2. P. 186.
- ⁴⁹ Spencer P. Nomads... P. 143.
- ⁵⁰ Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства. С. 135—148.
- ⁵¹ Там же. С. 140, 142, 147; Simoons F. J., Baldwin J. A. Breast-Feeding ... P. 422, 425, 428, 429.
- ⁵² Peterson J. T. The Ecology... P. 124; Furer-Haimendorf C., von. The Chenchus. Jungle Folk of the Deccan. L., 1943. P. 73, 74.
- ⁵³ Крупник И. И. Арктическая этноэкология. С. 154.
- ⁵⁴ Шнирельман В. А. Доместикация животных и религия // Исследования по общей этнографии. М., 1979.
- ⁵⁵ Шнирельман В. А. Производственные предпосылки разложения первобытного общества // История первобытного общества. Эпоха классовобразования. М., 1988. С. 49.
- ⁵⁶ Haaland G. Economic Determinants in Ethnic Processes // *Ethnic Groups and Boundaries*. Bergen; Oslo, 1969. P. 63, 64.
- ⁵⁷ Berntsen J. L. The Maasai... P. 1, 4, 5; Spencer P. The Samburu. P. 286.
- ⁵⁸ Nicolaisen J. The Penan of Sarawak. Further Notes on the Neo-Evolutionary Concept of Hunters // *Folk*. 1976. V. 18. P. 210—212; Cashdan E. A. The Effects... P. 315.
- ⁵⁹ Gabus J. Oualata et «Gueimarè» des Nemadi. Neuchâtel, 1977.
- ⁶⁰ Betts A. The Solubba: Nonpastoral Nomads in Arabia // *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*. 1989. V. 274. P. 61—69.
- ⁶¹ Аверкиева Ю. П. Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв. М., 1970.
- ⁶² Nicolaisen J. The Negritos of Casiguran Bay. Problems of Affluency, Territoriality and Human Aggressiveness in Hunting Societies of Southeast Asia // *Folk*. 1974/1975. V. 16—17. P. 422, 423.

© 1991 г.

С. А. Арутюнов, В. И. Васильев, Р. Ш. Джарылгасинова

ДРЕВНИЕ УРАЛЬСКО-ВОСТОЧНОАЗИАТСКИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

(на материалах жилища)

При всем разнообразии форм жилища, присущих различным народам, говорящим на уральских и, шире, на урало-алтайских языках, и их соседям в Северной, Центральной и Восточной Азии, многие из них восходят к конструктивным приемам и семантическим представлениям, сложившимся, возможно, еще в палеолите. Тогда в Северной и Восточной Азии были распространены более или менее заглубленные, округлые или полуокруглые в плане жилища с очагом, расположенным близко к центру, напротив входа. Такие жилища имели конические или пирамидальные жердевые каркасы с кожаномеховым или корьевым покрытием. Археологические материалы этого огромного региона эпох неолита, бронзы и раннего железа, а также и этнографические фиксации позволяют наметить по меньшей мере четыре линии дальнейшего